

Ценности как экономический институт регулирования экономических отношений в условиях глобальной фрагментации

Симченко Наталия Александровна 

Доктор экономических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: n.simchenko@spbu.ru

Горбань Полина Викторовна 

Кандидат филологических наук

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: p.gorban@spbu.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ценности, институты,
экономика ценностей,
неправомерные
ограничения,
экономический
суверенитет,
многополярность,
глобальная фрагментация

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблематика содержания ценностей как экономического института регулирования экономических отношений в условиях глобальной фрагментации. Авторы исходят из того, что устойчивость внешнеэкономических связей зависит не только от совпадения материальных интересов. Мировые экономические отношения вступают в период глубокой институциональной перестройки и постепенного перехода к многополярной системе. В этих условиях ценности становятся самостоятельным фактором экономической кооперации: они влияют на выбор партнеров, характер обязательств и степень готовности к долгосрочному взаимодействию. Устойчивые международные партнерства, таким образом, требуют сочетания прагматического интереса, уважения к суверенитету и способности совместно создавать новые институты развития. Не меньшее значение имеют доверие между партнерами, совместимость институтов и близость представлений о том, каким должен быть справедливый экономический порядок. В этом контексте анализируются санкции как форма внешнего принуждения, с помощью которой отдельные центры силы пытаются закрепить выгодные для себя правила. Такая практика усиливает асимметрию в глобальной системе и способствует разделению стран по политико-ценностному признаку. Показано, что санкционное давление подталкивает государства к защите экономического суверенитета, расширению круга внешних партнеров и созданию альтернативных механизмов сотрудничества. Особое внимание уделено институциональным сдвигам: развитию независимых платежных систем, новых транспортно-логистических маршрутов, инвестиционных каналов, технологических решений и межгосударственных форматов взаимодействия, которые позволяют снизить зависимость от прежних центров координации. При этом подчеркивается, что устойчивость таких объединений определяется не только экономической выгодой. Для их долгосрочного развития необходимы ценностные основы, доверие, согласованность норм и взаимная дополняемость институтов.

JEL codes: A13; B52; D02; F51; F52; P16

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-7-63-74>

Финансирование: Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 131381004

Для цитирования: Симченко, Н.А. Ценности как экономический институт регулирования экономических отношений в условиях глобальной фрагментации / Н.А. Симченко, П.В. Горбань. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 7. – С.63-74. – URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2026)

Введение

Международные экономические отношения вступили в этап политической, экономической и

ценностной фрагментации, в рамках которой прежнее представление о всеобщей взаимозависимости уже не воспринимается как безусловное и нейтральное. Торговля, финансовые потоки, транспортные коридоры, технологический обмен и доступ к критически важной инфраструктуре все чаще становятся не только сферами хозяйственного взаимодействия, но и инструментами политически обусловленного разграничения. В условиях фрагментации глобального развития особую роль играют ценностные основания ведения экономической политики.

Научная проблема статьи состоит в том, что современные международные экономические отношения все труднее описывать как единое пространство универсальных правил и нейтральных взаимовыгодных связей. Все более заметной становится их фрагментация на частично совместимые институциональные контуры, внутри которых по-разному регулируются доступ к рынкам, расчетная инфраструктура, логистика, технологии и инвестиции. Поэтому важно не ограничиваться фиксацией изменений торговых потоков или появлением новых финансовых схем. Необходимо понять, какие факторы делают возникающие формы кооперации устойчивыми, а какие, напротив, превращают их во временные и уязвимые конструкции.

Авторы ставят перед собой цель показать, каким образом неправомерные ограничения меняют логику международной кооперации, и почему в этих условиях доверие и ценности становятся экономически значимыми факторами организации внешнеэкономических связей. Для достижения этой цели предполагается рассмотреть теоретические основания экономической роли доверия и ценностей; раскрыть воздействие санкций на структуру международного взаимодействия; исследовать практики институционального замещения в основных сферах.

Научная новизна статьи заключается в том, что ценности рассматриваются не как внешнее по отношению к экономике явление, а как фактор, оказывающий влияние на уровень издержек, устойчивость обязательств и выбор форм кооперации. Доверие трактуется как экономический ресурс, значение которого возрастает по мере усиления санкционных и политических рисков. Это позволяет ставить вопрос о трансформации мировой экономики и смене принципов институциональной организации международной хозяйственной деятельности.

Ценности как институт принудительной дисциплины в мировой экономике

В экономической теории ценности понимаются как предпосылка выбора, культурная основа предпочтений или источник легитимации хозяйственного порядка. Однако в современных международных экономических отношениях ценности все чаще выступают как механизм дисциплины, позволяющий переводить политическое несогласие в экономическое наказание. Ценности в этом случае перестают быть только нормативным ориентиром и превращаются в институт, задавая правила доступа к рынкам, капиталу, инфраструктуре платежей, информационному и академическому обмену.

Если по Д. Норту институты – это «правила игры» в обществе [29], то ценности – метаправила, определяющие, кто признается полноправным участником игры, а кто выводится за ее пределы как «не соответствующий» цивилизационному стандарту. Особенность современного исторического периода состоит в том, что принуждение реже реализуется как грубая сила и облачается в язык моральной очевидности: «защита демократии», «права человека», «мир, основанный на правилах», «ответственное поведение», «общие ценности». Такая риторика формирует особую экономическую технологию власти при которой санкционное давление, ограничения на инвестиции, блокировка расчетов, отключение от технологических цепочек и репутационная изоляция объявляются не актами борьбы за рынки и ресурсы, а нравственной реакцией «цивилизованного мира». В этом проявляется то, что П. Бурдьё называл символической властью – способность навязывать социальному миру классификации, которые выглядят естественными и потому не требуют постоянного доказательства [20]. Экономическое принуждение оказывается тем эффективнее, чем убедительнее оно представлено как моральная необходимость.

Здесь возникает ключевое противоречие «универсальных» западных и традиционных

духовно-нравственных ценностей. Западная ценностная модель в ее современном политико-экономическом выражении строится вокруг индивидуальной автономии, процедурной демократии, приоритета прав личности, конкурентного рынка и нормативного универсализма. Сами по себе эти принципы имеют глубокую интеллектуальную историю становления и не сводятся к инструменту достижения господства. Их генеалогия связана с модернизацией, секуляризацией и становлением капиталистического хозяйства [7; 31]. Проблема возникает там, где определенная историческая форма этих ценностей декларируется как единственно допустимая для всех обществ, а отклонение от нее трактуется как нравственная неполноценность. В таком случае ценности превращаются в шкалу ранжирования стран, где одни получают статус «лидеров свободного мира», а другие – репутацию отстающих, авторитарных, архаичных или варварских.

Российская ценностная рамка строится иначе. В стратегических документах акцент сделан на жизни, достоинстве, служении Отечеству, гражданственности, справедливости, исторической памяти, преемственности поколений, крепкой семье, созидательном труде, коллективизме и приоритете духовного над материальным. С экономической точки зрения это свидетельствует об иной иерархии целей. Хозяйство мыслится не только как пространство обмена, но и как форма воспроизводства народа, культуры, суверенитета и социальной солидарности. Такая логика роднится с идеей К. Поланьи о «встроенности» экономики в общественные отношения: рынок не существует вне нравственных, правовых и культурных условий, а попытка подчинить общество саморегулирующемуся рынку порождает разрушительные ответные движения [30]. Такой подход близок отечественной линии философии хозяйства, где хозяйство трактуется как нравственно нагруженная форма общественного бытия, а не как безличный механизм обмена [5; 10; 13].

Конфликт ценностей имеет не только культурное, но и отчетливо выраженное политико-экономическое измерение. За дискуссиями о «правильных» нормах нередко стоит борьба за возможность задавать правила устройства мировой экономики: определять, чья валюта получает статус резервной, кто контролирует расчетную инфраструктуру, какие технологические стандарты признаются обязательными, кого считают «соответствующим» установленным требованиям, а кого наказывают за «отклонение» от них. В этом проявляется один из механизмов воспроизводства отношений центра и периферии: центр не просто аккумулирует капитал и технологии, но и формирует язык легитимности, благодаря которому его преимущества представляются результатом нравственного превосходства, а не исторически сложившейся асимметрии власти [2; 6]. Перенесенный в сферу внешнеэкономической политики, ценностный универсализм превращается в инструмент разграничения между теми, кто получает доступ к благам «цивилизации», и теми, кому в этом доступе отказывают.

Неправомерные ограничения и незаконные односторонние санкции в отношении Российской Федерации представляют собой показательный пример действия ценностей как институтов принудительной дисциплины. Формально они объясняются необходимостью защиты международного порядка и общих норм. По существу же значительная часть таких мер (особенно не основанных на решении Совета Безопасности ООН и обладающих экстерриториальным действием) выступает как способ переноса политического конфликта в структуру хозяйственных связей. Санкции здесь работают не только как запрет, но задают цену неподчинения. Возникает дисциплинарный тариф: рост стоимости капитала, блокировка активов, технологическая изоляция, отказ частных компаний от легальных операций из-за риска репутационного наказания. Экономическое поведение начинает определяться не столько рыночной выгодой, сколько ожиданием морально-политической оценки со стороны центра распределения санкций.

Незаконные санкции / неправомерные ограничения

В экономике санкции обычно рассматриваются как инструмент внешнего принуждения, изменяющий структуру выгод и издержек для государств, организаций и домашних хозяйств. Необходимо различать санкции, незаконные санкции и неправомерные ограничения. В строгом

международно-правовом смысле санкциями являются меры, принимаемые Советом Безопасности ООН в соответствии с главой VII Устава ООН, прежде всего статьей 41, при наличии угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии. Их легитимность основана на универсально признанном механизме коллективной безопасности. Экономическое содержание таких мер разнится от эмбарго до финансовых, технологических и транспортных ограничений, но правовым основанием выступает многостороннее решение, а не на одностороннее усмотрение отдельного государства или коалиции.

Иная природа – у односторонних ограничительных мер. Часть из них может быть отнесена к реторсиям – недружественным, но не запрещенным действиям, при условии, что они остаются в пределах международных обязательств. Иная часть может рассматриваться как контрмеры, но лишь при соблюдении ряда условий, например, что они являются реакцией на международно-противоправное деяние, направлены на побуждение к исполнению обязательств, соразмерны, обратимы и не затрагивают императивные нормы международного права [22; 34].

Когда ограничения подрывают базовые гарантии собственности, препятствуют доступу к жизненно важным товарам или навязывают политическое поведение через контроль над инфраструктурой мировых экономических отношений, возникает основание говорить о незаконных санкциях или о неправомерных ограничениях. В отношении России в настоящее время действуют именно незаконные санкции.

Понятие «незаконные санкции» фиксирует нарушение нормы права и применимо к мерам, которые противоречат Уставу ООН, принципу суверенного равенства государств, запрету вмешательства во внутренние дела, обязательствам по международным договорам, нормам международной торговли, гуманитарным обязательствам и гарантиям собственности. Особенно показателен феномен вторичных санкций. Их реципиентом становится не только государство, объявленное объектом давления, но и третьи страны, банки, перевозчики, промышленные компании, научные организации, посредники и частные лица, продолжающие взаимодействовать с «запрещаемым» субъектом. Тем самым национальная юрисдикция санкционного инициатора начинает претендовать на регулирование чужих отношений за пределами собственных территорий. В экономическом смысле это можно трактовать как экспорт правового принуждения. Категория «неправомерные ограничения» шире юридической незаконности и охватывает меры, которые могут быть оформлены внутренним законодательством отдельных государств, но противоречат содержательной легитимности экономического порядка – равенству участников обмена, неприкосновенности собственности, добросовестности конкуренции, свободе научного и культурного взаимодействия, предсказуемости контрактных обязательств. Неправомерность указывает на разрыв между процедурной оболочкой и экономико-нравственным содержанием меры. Иными словами, ограничение может быть легитимизовано внутри одной юрисдикции, но оставаться неправомерным с точки зрения справедливого устройства международных отношений. В этой точке экономика ценностей получает самостоятельный предмет научного знания: она исследует не только соответствие меры формальному праву, но и то, какие ценностные основания через нее институционализируются.

В рамках экономики ценностей санкции следует рассматривать шире – как институт внешнего ценностного действия, посредством которого политико-нравственная оценка превращается в режим доступа или исключения. Санкции не просто запрещают поставку товара, расчет в конкретной валюте или использование технологии, а закрепляют за определенным поведением маркер недопустимости и переводят ценностный конфликт в язык потерь, рисков и издержек. Исходя из этого, санкции нельзя сводить к техническому инструменту международной торговли, поскольку они выступают формой политической экономии в чистом виде: рынок обнаруживает свою зависимость от власти, а власть – способность действовать через рынок. В нормальных условиях глобальная финансовая, страховая, логистическая, технологическая и информационная инфраструктура представляется нейтральной средой обмена. В условиях санкционного конфликта она проявляется как система допуска, надзора

и исключения. То, что ранее выглядело как универсальное благо, оказывается институционально закрепленной возможностью одних акторов определять границы экономической нормальности для других.

Классическая политическая экономия дает прочное основание для такого анализа. А. Смит связывал рыночный порядок не только с обменом, но и с нравственными чувствами, доверием и ожиданиями справедливости [32; 33]. К. Маркс рассматривал хозяйственные отношения как отношения власти, скрытые за формой товарного обмена и правом собственности [15]. М. Вебер показал, что экономическое действие неотделимо от ценностной рациональности и легитимного порядка [7]. К. Поланьи считал, что экономика всегда встроена в общественные отношения и не существует как автономная машина ценового равновесия [30]. Санкции делают эту «встроенность» видимой. Они демонстрируют, что современные экономические отношения устроены не только как пространство конкуренции, но и как иерархия признания, где доступ к ресурсам зависит от политических и ценностных ориентаций участника. С позиций институциональной теории санкции выступают особым видом правил игры, вводимых не для упорядочивания внутреннего рынка, а для изменения внешних границ допустимого взаимодействия. Институты формируют стимулы, ожидания и ограничения [28]. Санкции делают это в предельно концентрированной форме, меняя права собственности, режим исполнения контрактов, стоимость доверия, доступ к расчетам, страхованию, судебной системе, технологиям и знаниям. В терминологии Дж. Коммонса санкционный режим можно трактовать как коллективное действие, направленное на контроль транзакций [21]. В логике О. Уильямсона санкции резко увеличивают неопределенность и транзакционные издержки, вынуждая экономических агентов перестраивать формы управления сделками, каналы поставок и модели координации [35].

В отличие от простого роста транзакционных издержек, санкции имеют выраженное нормативное содержание: они не просто усложняют экономическое взаимодействие, а придают ему морально-политическую оценку. Именно в этом проявляется их специфика как института. Санкции переводят ценности в плоскость экономически ощутимых ограничений: демократия, права человека, верховенство права, защита международного порядка в западной санкционной практике выступают не только как декларативные ориентиры, но и как основания для распределения доступа к финансовым, технологическим и торговым ресурсам. Однако противоречие возникает тогда, когда универсальность этих ценностей поддерживается не единым и равным для всех правилом, а правом узкого круга государств определять, кто считается соответствующим норме, а кто должен быть исключен из системы. В результате универсализм начинает напоминать клубный порядок: ценности провозглашаются общими, но механизмы их применения остаются под контролем политически ограниченного центра. Отсюда вытекает базовое напряжение между риторикой открытого рынка и практикой избирательного доступа к его ключевым инфраструктурам. Для России это противоречие носит не ситуативный, а структурный характер.

Санкционный режим, расширившийся после 2014 года и резко усиленный после 2022 года, уже нельзя рассматривать как временный внешний шок; он стал частью новой конфигурации мировых экономических отношений. Санкции, технологические запреты, финансовая фрагментация и вторичные ограничения в обозримой перспективе, по-видимому, будут сохраняться не как исключительная мера, а как привычный инструмент международной конкуренции. Поэтому российская экономическая теория должна рассматривать их не только как фактор давления на отдельные рынки и отрасли, но и как механизм изменения институциональных условий развития: качества внутренних институтов, устойчивости производственных цепочек, доверия к национальной юрисдикции и способности общества поддерживать долгосрочные стратегические цели.

Санкции выступают не только инструментом нанесения экономического ущерба, но и средством дисциплинирования участников международных отношений. Их реальный адресат значительно шире формальных списков лиц, компаний и организаций. Санкционный режим создает

прецедент для всех глобальных игроков, заставляя их оценивать сделку не только с точки зрения коммерческой выгоды, но и с позиции ее политико-ценностной приемлемости для доминирующего центра силы, в том числе тогда, когда этот центр присваивает себе право единолично определять допустимые правила поведения. Такая дисциплинарная функция реализуется через разветвленную инфраструктуру мировых экономических отношений и публичной сферы: банковскую систему, страховые компании, транспортные узлы, цифровые платформы, университеты, научные журналы, спортивные федерации и культурные площадки. В результате мировой рынок все в большей степени превращается не в пространство свободного обмена, а в пространство наблюдаемого и оцениваемого поведения, где экономические решения постоянно соотносятся с политическими ожиданиями. Именно здесь санкции тесно соприкасаются с технологиями формирования общественного мнения. Для сохранения устойчивости санкционного режима ограничения должны восприниматься не просто как инструмент внешнеполитического давления, а как мера морально оправданная, вынужденная и адресованная прежде всего «неправильным» действиям государства, а не его населению. Такая символическая рамка имеет не вспомогательное, а вполне самостоятельное значение: она притупляет внимание аудитории к социальным издержкам санкций и одновременно укрепляет представление об их законности и необходимости. В этом отношении показательны работы классиков исследований общественного мнения и политической коммуникации. У. Липпман писал о картинах в головах, через которые массовая аудитория воспринимает сложную политическую реальность [14]. Э. Бернейс рассматривал управление общественным мнением как сознательную организацию согласия в массовом обществе [3]. Г. Ласвелл, в свою очередь, понимал пропаганду как инструмент мобилизации и направленного формирования восприятия в условиях политического конфликта [12].

Позднее Э. Херман и Н. Хомский показали, каким образом в обществах с формально свободной коммуникацией действуют механизмы информационной фильтрации. Благодаря этим механизмам общественное согласие может производиться в интересах влиятельных групп, а границы допустимой повестки – задаваться не прямой цензурой, а через отбор тем, интерпретаций и источников, признаваемых легитимными [25]. Санкции встраиваются в этот механизм: они нуждаются в моральном образе нарушителя, а затем сами укрепляют этот образ через экономическое исключение. Материальное ограничение и символическая квалификация начинают дополнять друг друга. «Некорректно» действующая страна должна быть помещена в образ «чужого», нарушение связей с ней представлено как добродетель, а издержки для собственных компаний и потребителей – как необходимая плата за верность провозглашенным принципам. Так возникает логика «свой-чужой» в глобальных экономических связях. Она разрушает представление о рынке как пространстве взаимной выгоды и заменяет его моделью условного доступа: вести торговлю можно не со всеми, инвестировать можно не везде, технологии передавать можно только тем, кто признан политически приемлемым. Логика «свой-чужой» имеет серьезные последствия в том числе и для экономической теории. Такая дихотомия показывает, что глобализация не устранила политическое различие, а лишь временно скрыла его под оболочкой взаимозависимости. Пока правила воспринимаются как относительно нейтральные, страны могут увеличивать специализацию, снижать резервы и полагаться на внешние цепочки поставок. Когда становится понятно, что инфраструктура взаимозависимости может быть использована как оружие, прежняя рациональность изменяется. Экономическая эффективность стала оцениваться вместе с устойчивостью, технологическим суверенитетом, валютной независимостью и способностью выдерживать внешнее давление.

Так формируется своеобразный санкционный замкнутый круг. На первом этапе тот или иной субъект объявляется нарушителем универсальной нормы; на втором его экономическое вытеснение начинает выглядеть как закономерное и почти неизбежное следствие такого статуса. Далее само исключение из привычных хозяйственных связей превращается в дополнительное подтверждение его «ненормальности» и используется как аргумент в пользу новых ограничений. Экономическая

теория не всегда улавливает эту логику, поскольку обычно разводит ценовые стимулы и производство политических смыслов. Однако санкции действуют именно на их пересечении: они не только повышают издержки сделки, но и меняют общественное восприятие. Покупка товара, инвестиция, научное сотрудничество или банковский перевод перестают быть нейтральными экономическими операциями и начинают восприниматься как действия, требующие морального объяснения и публичного оправдания. В этом смысле санкции можно рассматривать как особую форму прав доступа. Если классическое право собственности предполагает возможность владеть, пользоваться и распоряжаться ресурсом, то санкционная власть позволяет запрещать другим доступ к ресурсам и инфраструктурам, которые формально могут не принадлежать инициатору ограничений, но зависят от контролируемых им узлов. Такая форма власти особенно действенна в сетевой экономике, где ключевое значение имеет не столько контроль над системой в целом, сколько способность управлять ее критически важными точками. Именно на это указывает концепция «вооруженной взаимозависимости»: государства, занимающие центральное положение в глобальных финансовых, информационных и производственных сетях, получают возможность использовать эти сети как инструменты наблюдения, давления и принуждения [23]. В близкой логике Н. Малдер, обращаясь к историческому опыту применения экономических санкций, показывает, что они задумывались как альтернатива войне, но на практике нередко становились продолжением политического конфликта экономическими средствами [27].

Вынужденная адаптация способна со временем перейти в стратегическую перестройку, но лишь при наличии долгосрочных инвестиций, последовательной институциональной политики и устойчивых международных связей, основанных на доверии. Вместе с тем такую адаптацию не следует романтизировать, особенно когда она возникает под воздействием незаконного санкционного давления. Его последствия, как правило, неоднозначны: санкции повышают издержки развития, затрудняют доступ к технологиям, усиливают неопределенность для бизнеса, перегружают систему государственного управления и нередко негативно сказываются на благосостоянии населения. Исследования показывают, что санкционные меры могут иметь серьезные социально-экономические последствия и при этом далеко не всегда приводят к достижению заявленных политических целей [24; 26; 29]. Более того, в стране, против которой они направлены, такие меры способны усиливать ориентацию на самостоятельность и внутреннюю консолидацию, особенно если воспринимаются обществом как неправомерные, дискриминационные или политически мотивированные. Дополняют этот контекст идеи Н. Фергюсона, рассматривающего мировую историю как постоянное напряжение между сетями и иерархиями: сети расширяют пространство обмена и взаимодействия, тогда как иерархии стремятся подчинить себе их ключевые узлы [18]. Санкционная политика наглядно демонстрирует эту логику: контроль над критическими элементами глобальной инфраструктуры позволяет превращать взаимозависимость из механизма сотрудничества в инструмент давления и принуждения.

Для России опыт неправомерных ограничений стал не только вызовом, но и ускорителем структурной переоценки: были выявлены уязвимости зависимости от внешних расчетных систем, зарубежного оборудования, программных решений и финансовых посредников. Одновременно ограничения усилили значение внутреннего рынка, промышленной политики, технологических коопераций с дружественными странами, национальных платежных инструментов и новых логистических маршрутов. Вместе с тем применительно к российской действительности вопрос стоит в том, какую модель действия вызывают санкции. Санкции неизбежно создают эффект издержек за счет удорожания расчетов, логистики, необходимости импорта технологий, дополнительного страхования, кредитования и научной кооперации. Одновременно создается и эффект отбора: разрушаются прежние связи, но появляются стимулы к развитию собственных производств, новых партнерств, национальных платежных механизмов, альтернативных маршрутов, уникальных стандартов и технологических решений. Возникает эффект ценностной кристаллизации: в условиях

внешнего давления общество вынуждено яснее определить, какие отрасли следует считать стратегическими, какие институты необходимо оградить от несанкционированного внешнего влияния. Для экономики ценностей этот момент особенно значим. В относительно стабильных условиях суверенитет нередко воспринимается преимущественно как политическая категория, будто бы вынесенная за пределы расчетов эффективности и экономической целесообразности. Санкционная среда, напротив, возвращает ему конкретное экономическое содержание. Суверенитет перестает быть только политическим лозунгом и проявляется как особый вид общественного капитала – способность поддерживать воспроизводство, развитие и долгосрочные обязательства даже при устойчивом внешнем давлении. Однако такой капитал не формируется одними бюджетными вливаниями или административными распоряжениями. Он предполагает доверие между обществом и институтами, дисциплину исполнения, развитую научную школу, промышленную культуру, долгосрочные инвестиции и согласие относительно базовых целей национального развития.

Заключение

Проведенное исследование позволяет рассматривать ценности как самостоятельный экономический институт, действующий наряду с институтами власти, рынка и конкуренции. Их институциональная природа проявляется в способности задавать критерии допустимого поведения экономических субъектов, определять границы легитимного обмена, формировать режимы доверия и недоверия, а также превращаться в основание для распределения доступа к капиталу, технологиям, рынкам, инфраструктуре и международным расчетам. В этом качестве ценности выполняют не только интегративную, но и селективную, дисциплинарную и исключаящую функции, соединяя «своих», отделяя «чужих» и задавая экономическую цену несогласия.

Действие незаконных санкций в отношении России показывает, что ценности могут выступать в качестве механизма принудительной дисциплины в международных экономических отношениях. Универсалистская риторика западных ценностей используется не только для моральной оценки действий государства, но и для институционального оформления неправомерных ограничений – финансовых блокировок, торговых запретов, технологического отсека, репутационного давления и принуждения частных компаний к политически заданному поведению. Тем самым ценностные основания трансформируются в экономический инструмент, а моральная квалификация – в форму доступа к ресурсам глобального развития.

Санкции, незаконные санкции и неправомерные ограничения образуют один из центральных механизмов современного ценностного конфликта. Они превращают ценности в режим доступа к ресурсам, а инфраструктуру мирового хозяйства – в средство дисциплинирования. Для экономической теории это означает необходимость новой исследовательской рамки: санкции следует анализировать как институт, соединяющий право, власть, ценности, издержки, сетевую зависимость и долгосрочную траекторию развития. При таком подходе санкционное давление предстает не только как внешнеполитический или юридический феномен, но и как специфическая форма институционального воздействия на экономическое поведение государств, компаний и обществ.

Особое значение имеет то, что подобные ограничения направлены не только на причинение сиюминутного экономического ущерба. Их более глубокий результат состоит в попытке ограничения экономического суверенитета государств, выражающегося в способности самостоятельно определять модель развития, выбирать внешнеэкономических партнеров, управлять критическими отраслями, обеспечивать технологическую воспроизводимость и защищать национальные интересы от внешнего нормативного диктата. Неправомерное санкционное давление через ценности стремится закрепить зависимое положение страны не только в цепочках поставок, но и в иерархии смыслов, где право на развитие ставится в зависимость от признания внешне заданных норм.

Противопоставление «универсальных» западных и традиционных духовно-нравственных

российских ценностей в этой связи приобретает не отвлеченно-культурный, а политико-экономический характер. За спором о ценностях скрываются борьба за право определять нормы мировых экономических отношений. Когда одни ценности объявляются признаком цивилизованности, а другие маркируются как архаичные или варварские, возникает неравноправная система символического ранжирования государств. Русофобские мотивы в западном общественно-политическом дискурсе усиливают этот механизм, поскольку переводят экономическое соперничество в плоскость морального исключения, где само российское право на самостоятельность подвергается сомнению.

Следовательно, экономика ценностей должна рассматривать ценности как институт, способный производить реальные экономические эффекты, а именно: перераспределять выгоды и издержки, изменять структуру международного обмена, легитимировать ограничения, формировать долгосрочные контуры суверенизации. Для Российской Федерации актуальность проанализированной проблематики не исчерпывается текущим санкционным циклом. В перспективе ближайших лет устойчивость национальной экономики будет определяться в том числе и способностью создать собственный ценностно-институциональный контур развития, в котором суверенитет становится не изоляцией, а условием равноправного участия в многополярных мировых экономических отношениях. Экономический суверенитет в современных условиях предполагает не только контроль над ресурсами и технологиями, но и способность отстаивать собственную систему ценностей как основание самостоятельного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалкин Л.И. (2002). Логика экономического роста. М.: Институт экономики РАН.
2. Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего.
3. Бернейс Э. (2010). Пропаганда. М.: Hippo Publishing.
4. Братерский М.В. (2024). Мир фрагментации на смену миру глобализации // Актуальные проблемы Европы. №1. С. 18-41. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.02>
5. Булгаков С.Н. (1912). Философия хозяйства. М.: Путь.
6. Валлерстайн И. (2015). Мир-система модерна I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Университет Дмитрия Пожарского.
7. Вебер М. (2026). Протестантская этика и дух капитализма. М.: Издательство АСТ.
8. Витте С.Ю. (1912). Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанный Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу в 1900-1902 гг. Санкт-Петербург: Типография Акционерного общества Брокгауз-Ефрон.
9. Клейнер Г.Б. (2004). Эволюция институциональных систем. М.: Наука.
10. Клейнер Г.Б. (2010). Новая теория экономических систем и ее приложение // Журнал Экономической теории. №3. С. 41-58.
11. Кондратьев Н.Д. (2002). Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика.
12. Ласвель Г. (1929). Техника пропаганды в мировой войне. Москва, Ленинград: Государственное издательство отдела военной литературы.
13. Львов Д.С. (2002). Экономика развития. М.: Экзамен.
14. Липпман У. (2023). Общественное мнение. М.: Издательство АСТ.
15. Маркс К. (2024). Капитал. Критика политической экономии. Том 1. М.: Эксмо.
16. Полтерович В.М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. Т. 35, № 2. С. 1-37.
17. Туган-Барановский М.И. (1989). Социальные основы кооперации. М.: Экономика.
18. Фергюсон Н. (2018). Площадь и башня: сети, иерархии и борьба за глобальную власть. М.: АСТ, 2018.
19. Фуко М. (2015). Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем Пресс.
20. Bourdieu P. (1991). Language and Symbolic Power. Cambridge: Polity Press.
21. Commons J.R. (1934). Institutional Economics; Its Place in Political Economy. Macmillan, New York.
22. Crawford J. (2002). The International Law Commission's Articles on State Responsibility. Introduction, Text and Commentaries. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Farrell G., Newman A.L. (2019). Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. International Security, Vol. 44, No. 1, pp. 42-79. https://doi.org/10.1162/isec_a_00351
24. Galtung J. (1967). On the Effects of International Economic Sanctions, With Examples from the Case of Rhodesia. World Politics, Vol. 19, Issue 3, pp. 378-416. <https://doi.org/10.2307/2009785>
25. Herman E.S., Chomsky N. (2008). Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media. London: The Bodley Head.
26. Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. (2007). Economic Sanctions RECONSIDERED. Washington, DC: Peter G. Peterson Institute for International Economics.
27. Mulder N. (2022). The Economic Weapon: The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War. New Haven, London: Yale University Press.
28. North D.C. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press.
29. Pape R.A. (1997). Why Economic Sanctions Do Not Work. International Security, Vol. 22, Issue 2,

pp. 90-136. <https://doi.org/10.2307/2539368>

30. Polanyi K. (1944). *The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Press.

31. Sen A. (2000). *Development as Freedom*. New York: Alfred A. Knopf.

32. Smith A. (1759). *The Theory of Moral Sentiments*. London: A. Millar.

33. Smith A. (1776). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. London: W. Strahan and T. Cadell.

34. Tzananakopoulos A. (2011). *Disobeying the Security Council: Countermeasures against Wrongful Sanctions (Oxford Monographs in International Law)*. Oxford: Oxford University Press.

35. Williamson O.E. (1985). *The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Market, Relational Contracting*. New York: The Free Press, Macmillan Inc.

Values as an Economic Institution Regulating Economic Relations in the Context of Global Fragmentation

Simchenko Natalia Aleksandrovna

Doctor of Economic Sciences, Professor

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: n.simchenko@spbu.ru

Gorban Polina Viktorovna

Candidate of Philological Sciences

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: p.gorban@spbu.ru

KEYWORDS

values, institutions,
economics of values, undue
restrictions, economic
sovereignty, multipolarity,
global fragmentation

ABSTRACT

The article examines the issues of the content of values as an economic institution for regulating economic relations in the context of global fragmentation. The authors proceed from the fact that the stability of foreign economic relations depends not only on the coincidence of material interests. Global economic relations are entering a period of deep institutional restructuring and gradual transition to a multipolar system. In these conditions, values become an independent factor of economic cooperation. Equally important are the trust between partners, the compatibility of institutions, and the closeness of ideas about what a fair economic order should be. In this context, sanctions are analyzed as a form of external coercion, through which individual centers of power try to consolidate rules that are beneficial to themselves. This practice reinforces the asymmetry in the global system and contributes to the division of countries along political and value lines. It is shown that the sanctions pressure pushes states to protect economic sovereignty, expand the range of external partners and create alternative cooperation mechanisms. Special attention is paid to institutional shifts: the development of independent payment systems, new transport and logistics routes, investment channels, technological solutions and interstate interaction formats that reduce dependence on the previous coordination centers. At the same time, it is emphasized that the sustainability of such associations is determined not only by economic benefits. Their long-term development requires value foundations, trust, consistency of norms, and complementarity of institutions.
